УДК 327

Юлия МЕЛЬНИКОВА

НА ПУТИ К СТРАТЕГИЧЕСКОЙ АВТОНОМИИ ЕС: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ

Статья поступила в редакцию 19.06.2021

Аннотация. В 2016–2020 гг. можно было наблюдать существенные изменения политики Евросоюза в области безопасности. Укрепление стратегической автономии было обусловлено рядом внешних переменных и нашло отражение как в появлении нового дискурса, так и в практической деятельности по созданию и наполнению содержанием новых институтов. Автор проанализировал эти процессы через призму концепции сообщества безопасности, чтобы рассмотреть произошедшие изменения с системной точки зрения и отразить имеющиеся в построении европейского сообщества лакуны. Поскольку выпущенный в конце 2020 г. Стратегический обзор *PESCO* в определенной степени подвел черту под начальным этапом развития центрального элемента европейских инициатив, автор обобщает промежуточные итоги формулирования новой повестки и ее перелива в совместные практики. В статье выдвинута гипотеза, что ключевым препятствием для развития европейского сообщества безопасности является необходимость использования идентичности одновременно как средства и цели развития институтов, что приводит к неудаче на обоих направлениях.

Ключевые слова: внешняя политика ЕС, стратегическая автономия, *PESCO*, трансатлантические отношения, сообщество безопасности, европеизм.

На фоне нарастания американо-китайского противостояния динамика в области европейской безопасности приобретает дополнительную исследовательскую актуальность. В политике ключевых стран Евросоюза еще недавно наблюдался всплеск европеизма как приоритетного развития интеграционных институтов и самостоятельности ЕС. Этот тренд может приобрести системное значение.

Переход к «принципиальному прагматизму»¹ во внешней политике и новый виток дискуссий о стратегической автономии ЕС представляют собой заявку на изменение европейской идентичности и развитие параллельного трансатлантическому проекта обеспечения безопасности региона, позволяющего перейти к наращиванию

¹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 11.01.21)

© Мельникова Юлия Юрьевна – аспирант МГИМО МИД России, программный координатор РСМД. Адрес: 119049, Россия, Москва, 4-й Добрынинский пер., 8.
E-mail: jmelnikova@russiancouncil.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72021115124>

мощностей и укреплению институтов. Однако после избрания на пост президента США Дж. Байдена риторика европейских политиков вновь приобрела атлантистский характер – саммит НАТО 2021 г. не оправдал ожидания скептиков.

Попытки выработать самостоятельность в области общеевропейской обороны предпринимаются с 1950-х гг. История неудач в сочетании со сменой стратегического нарратива требуют системного осмысления этого процесса. Неслучайно он привлекает все большее исследовательское внимание [Громыко 2019, 2021; Арбатова, Кокеев, 2020], хотя литература по теме чаще носит прикладной характер [Тимофеев, Хорольская, 2020; Щербак, 2020].

Наибольшим объяснительным потенциалом обладает концепция сообществ безопасности. Гипотеза автора заключается в том, что для укрепления позиций в рамках мирового порядка и реализации оборонной самостоятельности ЕС необходимо построение европейского сообщества безопасности, что требует не только накопления материально-ресурсной базы, но и наличия общей идентичности и развитого сетевого взаимодействия в этой сфере.

Цель данной статьи – объяснить причины неудач формирования идентичности ЕС в области безопасности в соотношении с развитием соответствующих институтов.

Теоретическое осмысление сотрудничества в области безопасности в Европе

Концепция сообществ безопасности исконно применялась для анализа НАТО. Впервые выдвинутая К. Дойчем, она получила развитие в трудах конструктивистов [Adler, Barnett, 1998], которые учитывали попытки ЕС увеличить самостоятельность в сфере безопасности как один из факторов развития трансатлантического сообщества.

В период конца 1990-х и начала 2000-х гг. за Евросоюзом закрепился авторитет «нормативной силы» [Manners, 2002] и поствестфальского актора¹, объяснявший разумность аутсорсинга оборонных аспектов. Попытки установить альтернативную систему безопасности были недостаточно успешны для иной интерпретации. Сегодня сочетание практических действий ЕС и их идейного обоснования уже позволяет применить для анализа выбранную концепцию.

Сообщество безопасности – это совокупность государств, связанных общими ожиданиями мирных перемен, не готовых решать конфликтные ситуации военным путем. Для первой стадии – зарождающегося сообщества (*nascent community*) – необходимы структурная общность государств-членов и внешний импульс [Adler, Barnett, 1998]. Ценностно-структурная общность изначально характерна для ЕС: страны являются демократиями разной степени зрелости, рыночными экономиками. Растущие расхождения с США в восприятии международной среды могут быть рассмотрены как внешний импульс для становления самостоятельного сообщества. Их проявлением можно назвать несоответствие региональных и глобальных амбиций у стран НАТО [Rynning, 2019], различия в интерпретации угроз, исходящих от Китая, России, Ирана.

Для следующей стадии – восходящего сообщества (*ascending community*) – характерны прогрессирующие институционализация и сетевое взаимодействие, а

¹ Лебедева М.М. Акторы в международных отношениях и мировой политике. РСМД. 09.06.2016. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7780#top-content (дата обращения: 07.01.21)

также формирование коллективной идентичности через процесс работы над ошибками – «социальное обучение». В последние годы страны ЕС развивают оба направления во взаимосвязи друг с другом.

Попытки изменения коллективной идентичности: новый дискурс и «социальное обучение»

Существуют различные взгляды на то, как соотносятся дискурс и практики в сообществах безопасности. Смена нарратива объясняется как следствие изменения социальной реальности [Risse, 1996] или, напротив, как инструмент внедрения новых практик [Kitchen, 2009]. Изменение дискурса в ЕС, перешедшее к концу 2010-х гг. в официальные документы, находится на стыке этих точек зрения: с одной стороны, поиску новых стратегий поведения способствовала трансформация международной среды; с другой – на необходимости изменений настаивают государства, не только более заинтересованные в этом, но и обладающие большим количеством ресурсов для реализации нового курса.

Объективной реальностью, потребовавшей адаптации самопозиционирования ЕС, стали миграционный кризис, ухудшение отношений с Россией, нестабильность сотрудничества с США, брекзит, распространение правого популизма. В ответ Глобальная стратегия 2016 г. ввела понятие «принципиального прагматизма» и придала новое звучание термину «стрессоустойчивость» [Романова, 2017], поместив раздел «Интересы» выше раздела «Ценности». Новый набор внешнеполитических установок был нацелен на извлечение практической выгоды от малых шагов. Эксперты заговорили о повороте ЕС к «реалполитике»¹, политике «избирательного либерализма» [Smith, Youngs, 2018].

Параллельно развивалась сама концепция стратегической автономии ЕС. Формулировка тесно связана с внешнеполитическими инициативами Франции, и периодичность роста её популярности отражает возникающие противоречия ЕС и США. Впервые упомянутая в 1994 г. в Белой книге по обороне Франции в контексте дискуссий о роли НАТО в постбиполярном мире, она звучала на фоне разногласий по вопросу операции в Ираке в 2003 г. и в 2011 г. – в Ливии. После выступления президента Франции Э. Макрона в 2017 г.² она получила новый импульс и была не только поддержана политическими лидерами Германии, Италии и Испании, но и укоренилась в документах и дискурсе ЕС: в сентябре–октябре 2020 г. председатель Европейского совета Ш. Мишель и высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель выступили с программными заявлениями о необходимости идти «своим путем»³.

¹ Michalache I. Principled pragmatism in EU foreign policy: A return to Realpolitik or rapprochement with Russia. Centre for Geopolitics & Security in Realism. 08.09.16. URL: <http://cgsrs.org/publications/80> (дата обращения: 11.01.21)

² Sorbonne speech of Emmanuel Macron. 26.09.2017. URL: <http://international.blogs.ouest-france.fr/archive/2017/09/29/macron-sorbonne-verbatim-europe-18583.html> (дата обращения: 12.01.21)

³ 'Strategic autonomy for Europe – the aim of our generation' – speech by President Charles Michel 28.09.20. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/28/1-autonomie-strategique-europeenne-est-l-objectif-de-notre-generation-discours-du-president>

Тем не менее говорить о новой коллективной идентичности ЕС рано, поскольку у стран-членов отсутствует общий список угроз. Линия расхождения в их восприятии традиционно проходит между «старыми» и «новыми» членами Союза, и у ЕС нет опыта преодоления разногласий в этой области. Глобальная стратегия 2016 г. запустила процесс формирования новой идентичности благодаря инициативе крупных стран. Сегодня Э. Макрон остался активным защитником курса на автономию¹, но активность Берлина снизилась, а Мадрид и Варшава заявляют, что рассматривают ее только с экономической точки зрения².

Согласно концепции сообществ безопасности, в таких ситуациях формированию общности должно помочь «социальное обучение» и применение политической воли для нахождения взаимовыгодных формул сосуществования. Способствовать процессу и в определенной степени обуславливать его должна институциональная инерция – наличие таких сетевых взаимосвязей и обязательств, издержки от разрушения которых удержат игроков от импульсивных действий, пока продолжается поиск новой модели развития. В этом заключается основа взаимозависимости материальных и нематериальных переменных второго этапа построения сообщества. Оба механизма не до конца реализованы в ЕС.

Что касается работы над ошибками, Евросоюз обладает опытом по преодолению противоречий, связанных с неравномерностью экономического развития его членов. С момента создания ЕОУС страны, в том числе вновь присоединяющиеся, шли по пути нахождения экономической специализации. Соперничество ФРГ и Франции впоследствии привело к появлению специализации уже на экономике или внешней политике соответственно. Преодолевать разногласия между Севером и Югом, странами зоны евро и находящимися вне ее, более независимыми «старыми» членами и ориентированными на США «новыми» удавалось благодаря экономической взаимозависимости и апелляции к общности исторического пути и ценностей Европы.

Наиболее актуальной попыткой экстраполировать этот опыт на сферу безопасности можно назвать «Стратегический компас» ЕС – запущенный в конце 2019 г. процесс выработки новой стратегии Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) в рамках Глобальной стратегии. Соотнесение внешнеполитических задач и оборонных возможностей, прояснение роли каждого способствовало бы формированию сообщества через создание культуры осознанного выполнения обязательств в рамках имеющихся институтов. Завершение работы запланировано на 2022 г., когда председательство в ЕС перейдет к Франции.

charles-michel-au-groupe-de-reflexion-bruegel/ (дата обращения: 12.01.21); Borrel J. The Sinatra Doctrine: Building a United European Front. Institut Montaigne. 09.09.20. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/blog/sinatra-doctrine-building-united-european-front> (дата обращения: 12.01.21)

¹ The Macron Doctrine A Conversation with the French President. Groupe d'études géopolitiques. 16.11.20. URL: <https://geopolitique.eu/en/macron-grand-continent/> (дата обращения: 11.01.21)

² As it happened: NATO summit. POLITICO. 13.06.2021. URL: <https://www.politico.eu/article/live-blog-nato-eu-us-summit-joe-biden-jens-stoltenberg-russia-china-cybersecurity/> (дата обращения: 21.07.21)

Развитие институциональной организации взаимодействия в области внешней политики и безопасности

По итогам «социального обучения» предполагается трансформация нового дискурса в совместные практики [Adler, 2008] в сфере безопасности. Чтобы обеспечить такую возможность, новый нарратив ЕС сопровождался развитием институциональной структуры Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ).

Военная составляющая ЕС изначально предполагала формулирование оборонительной политики и создание общих сил, но на деле существовала как условный механизм согласования внешнеполитических курсов. Амстердамский договор 1997 г. закрепил обеспечение обороны Европы за НАТО, предоставив ЕС (ЗЕС) право самостоятельно проводить гуманитарные операции по Петербургскому мандату. В соответствии с Основной целью (*Headline Goal*) 2003 г. и 2010 г. необходимость и достаточность развития, собственно, европейской системы обороны увязывалась исключительно с развитием возможностей стран-партнеров и поддержкой НАТО.

Гражданская структура принятия решений также не способствовала созданию институциональной инерции внутри европейского сообщества безопасности. Руководящие указания по ОВПБ утверждает Европейский совет по представлению Совета ЕС. Главным координатором их исполнения и представителем ЕС на международной арене выступает Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности, возглавляющий Европейскую службу внешних действий. При этом у него нет прямой возможности влиять на принимаемые решения (их утверждают страны-участницы и Еврокомиссия). К типам реакции ЕС на внешние вызовы относятся общие позиции и действия (оказание дискурсивного воздействия, создание структур по выполнению задач), а не операции.

Стремление к укреплению стратегической автономии повлекло за собой развитие и изменение старых и появление новых оборонных институтов. Центральным элементом обновленной системы стал механизм Постоянного структурированного сотрудничества в области обороны (*PESCO*), который позволил скоординировать политические и военные аспекты ОПБО, а также соподчинить различные уровни принятия решений. Для обеспечения его деятельности были сформулированы новые концептуальные предписания (План развития мощностей, Скоординированный обзор об обороне) и механизмы финансовой поддержки (Европейский оборонный фонд (ЕОФ), Программа развития оборонной промышленности).

Запуск *PESCO* стал возможным в результате многоуровневого консенсуса о развитии самостоятельного оборонного потенциала: в 2016–2017 гг. ряд договоренностей между Францией и Германией, привлечение к ним стран Центральной и Восточной Европы убедили в необходимости нового институционального формата председателя Еврокомиссии Ж.-К. Юнкера [Тимофеев, 2019]. В результате Глобальную стратегию дополнили План реализации политики в области безопасности и обороны и План действий по европейской обороне. К 2017 г. обязательства по *PESCO* взяли на себя 25 стран-членов ЕС.

PESCO нацелен на «совместное наращивание полного спектра оборонных способностей ЕС для осуществления операций на национальном и межнациональном уровне», чтобы «повысить статус ЕС как международного игрока в области безо-

пасности»¹. Обязательства направлены на повышение доли оборонных расходов, гармонизацию военных комплексов, принятие конкретных мер по повышению доступности и мобильности европейских ВС (вплоть до корректировки национальных процедур принятия решений). Ежегодно высокий представитель отчитывается перед Советом ЕС по их выполнению.

Практическим выражением обязательств являются 46 проектов в таких сферах, как подготовка состава и инфраструктуры; организация наземных ВС; развитие систем ВМФ и ВВС; сопровождение операций; кибербезопасность и сотрудничество в космосе. Ядро *PESCO* по участию в них составляют Италия, Франция, Испания, Германия и Греция. Лидером по числу координируемых проектов является Франция, следом идут Италия и Германия. Активно вовлечена в организационную деятельность механизма и Греция, объединяя в своих инициативах страны Южной Европы. Умеренно задействованы в *PESCO* Португалия, Румыния, Польша, Бельгия, Венгрия, Нидерланды и Чехия. Присутствие остальных является скорее номинальным, а разрыв в активности с «локомотивами» ощутим (См. Таблица 1).

Количественное участие открыто для интерпретации, поскольку ожидать вовлеченности в требующие существенных затрат проекты от малых стран ЕС сложно. Тем не менее линейной зависимости между достатком и готовностью инвестировать в оборону нет. К примеру, Польша и страны Балтии, с готовностью повысившие долю оборонных расходов в ВВП до необходимых в НАТО 2%, не проявляют большого интереса к европейским инициативам. При этом обладающая примерно таким же оборонным бюджетом Испания активно вовлечена в эти процессы². Военные расходы Нидерландов почти вдвое больше греческих, но активность Амстердама и Афин несопоставима. Чем сильнее атлантизм в политике страны, тем меньше ее участие в *PESCO*.

Можно выделить также качественные различия в участии Германии и Франции. Проекты Парижа направлены на укрепление оперативных боевых компонентов потенциала ЕС. Это связано и с геополитическими амбициями, и с экономическими интересами страны, военная промышленность которой имеет долю государственного участия [Воротников и др., 2020]. Германия же занимается преимущественно логистикой, как и в рамках НАТО, что не требует дополнительной мобилизации. Тренд на развитие тех проектов, которые выгодны с точки зрения национальных, а не общеевропейских интересов, распространяется на всех участников механизма³, поэтому на практике говорить о появлении взаимозависимости сложно.

В результате только 20 проектов могут рассчитывать на скорое завершение, согласно выпущенному в ноябре 2020 г. Стратегическому обзору *PESCO*⁴.

¹ PESCO Binding Commitments. URL: <https://pesco.europa.eu/binding-commitments/> (дата обращения: 11.01.21)

² SIPRI Military Expenditures Database: <https://www.sipri.org/databases/milex> (дата обращения: 12.01.21)

³ Biscop S. European Defense and PESCO: Don't Miss the Chance. EU IDEA Policy Papers. No 1. 2020. URL: https://www.iai.it/sites/default/files/euidea_pp_1.pdf (дата обращения: 12.01.21)

⁴ PESCO Strategic Review 2020. Council Conclusions. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-13188-2020-INIT/en/pdf> (дата обращения: 12.01.21)

Таблица 1

Участие стран ЕС в PESCO и их оборонные бюджеты

Страна	Количество курируемых проектов	Количество проектов на стадии завершения	Количество проектов, в которых принимает участие	Оборонный бюджет (млн долл.)	Доля оборонных расходов в ВВП
Франция	10	5	14	50118,9	1,9%
Италия	9	1	17	26790,4	1,4%
Германия	6	4	10	49276,8	1,3%
Греция	5	5	11	5471,6	2,6%
Испания	2	1	22	17176,7	1,2%
Португалия	2	1	8	4513,0	1,9%
Румыния	2	2	11	4945,0	2,0%
Польша	1		10	11902,5	2,0%
Бельгия	1		10	4817,5	0,9%
Венгрия	1	1	10	1904,1	1,2%
Нидерланды	1	1	9	12059,6	1,3%
Чехия	1	1	8	2910,3	1,2%
Швеция	1 (совм. с Францией)		6	5920,1	1,1%
Словакия	1		4	1865,2	1,8%
Австрия	1	1	3	3237,8	0,7%
Болгария	1	1	3	2127,1	3,2%
Эстония	1	1	3	656,1	2,1%
Литва	1	1	2	1083,7	2,0%
Кипр			8	401,4	1,6%
Хорватия			6	1009,2	1,7%
Финляндия			4	3971,1	1,5%
Словения			4	568,7	1,1%
Латвия			3	709,8	2,0%
Люксембург			3	428,8	0,6%
Ирландия			2	1112,7	0,3%

Источник: составлено автором на основе SIPRI Military Expenditure Database. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex>; PESCO Projects. URL: <https://pesco.europa.eu/>; PESCO Strategic Review 2020. Council Conclusions. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-13188-2020-INIT/en/pdf> (дата обращения: 12.01.21)

Существующие противоречия отражены и в развитии финансового сопровождения механизма. Бюджет ЕОФ сразу попал под сокращение в соответствии с принятой в 2020 г. Многолетней финансовой программой 2021–2027 с изначальных 13 до 8 млрд евро¹. Финансовую помощь от запущенной в 2019 г. подготовительной

¹ Provisional agreement reached on setting-up the European Defence Fund. Council of the European Union. 14.12.20. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/12/14/provisional-agreement-reached-on-setting-up-the-european-defence-fund/> (дата обращения: 12.01.21)

к ЕОФ Программы развития оборонной промышленности ЕС получили только 3 проекта Франции, по 2 – Испании и Греции и проект Эстонии¹.

В результате цели *PESCO* на 2021–2025 гг. были скорректированы в пользу более точечных задач: планировать на краткосрочную перспективу, активизировать совместные действия с использованием уже существующей базы, чаще обсуждать развитие механизма, а также объединить проекты в кластеры². Эти действия декларативно направлены на формирование к 2025 г. полного спектра оборонных мощностей ЕС, но, по сути, – вновь на усиление взаимозависимости.

Развитие институционального взаимодействия наталкивается и на проблемы нормативного характера. Документы, регулирующие развитие оборонной самостоятельности, не выстроены в четкую иерархию и выпускаются различными ведомствами. Хотя развитие *PESCO* направляется профильными Планом развития мощностей и Скоординированным обзором об обороне, проекты механизма не привязаны к конкретным целям учредительного документа. Сами эти цели не соотносятся с Основной целью ОПБО³, которая не скоординирована с Глобальной стратегией. Концептуальная неясность и множественные наложения позволяют и дальше решать не общие, а частные задачи, пусть и внутри нового института. Эти вопросы могут быть затронуты в рамках «Стратегического компаса» ЕС.

Соответственно, создание многоуровневой институциональной инерции в рамках формирующегося сообщества безопасности в ЕС столкнулось с трудностями в выстраивании стратегической вертикали целей и задач новых и старых механизмов и обеспечении взаимозависимости в рамках центрального элемента новой системы – *PESCO*. Максимальная репрезентативность стран-участниц привела к их распределению на небольшие группы. Существенным препятствием стал недостаток политической воли, а значит – финансирования, связанный с незавершенным процессом смены идентичности ЕС. Тем не менее процесс не остановлен, а объявленная политика малых шагов при её будущем развитии может способствовать преодолению этих проблем.

Заключение

Таким образом, с точки зрения концепции сообществ безопасности, дальнейшее укрепление оборонной составляющей ЕС зависит от сочетания обновленной коллективной идентичности объединения, включающей в себя стремление к построению стратегической автономии, и развитой сети институционального взаимодействия, чтобы создать условия для перехода к общим практикам в области безопасности.

Процесс обновления идентичности ЕС за счет военно-политической составляющей идет медленно ввиду различия интересов безопасности его членов и отсутствия опыта «социального обучения» в этой сфере. На данный момент предпринимаются попытки нормализовать новое направление взаимодействия через дискурс, направленный на продвижение стратегической автономии и поиск приемлемой для

¹ PESCO: Ahead of the strategic review. European Parliament Briefing. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/652051/EPRS_BRI\(2020\)652051_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/652051/EPRS_BRI(2020)652051_EN.pdf) (дата обращения: 14.01.21)

² Там же.

³ Biscop S. European Defense and PESCO: Don't Miss the Chance. EU IDEA Policy Papers. No 1. 2020. URL: https://www.iai.it/sites/default/files/euidea_pp_1.pdf (дата обращения: 12.01.21)

всех оборонной формулы в рамках «Стратегического компаса». Тем не менее говорить об успешном закреплении концепта «автономии» как на уровне Союза, так и в отдельных странах-членах еще рано.

Институционализацию деятельности ЕС можно охарактеризовать как попытку комплексного наращивания мощностей за счет создания материальной базы и взаимозависимости пересекающихся военно-технологических кластеров стран-участниц, а также структурирования гражданских и военных институтов Союза. Эти процессы концептуально отвечают задачам укрепления сетевого взаимодействия и создания институциональной инерции для сохранения сообщества в периоды кризиса. Однако на практике процесс идет преимущественно за счет стран – локомотивов ЕС, и диспропорции интереса к общим проектам между ними и новыми членами, сохраняющимися приверженность атлантизму, не сокращаются. Дополнительную трудность представляет необходимость трансформировать институты и идентичность одновременно, что создает замкнутый круг в построении стратегической автономии.

Используя концепцию сообщества безопасности, можно системно объяснить сложности, возникающие у ЕС в процессе построения стратегической автономии. Формирование самостоятельного сообщества безопасности требует не только закрепления новых элементов идентичности, но и эффективного транслирования их в совместные практики. ЕС пытается делать и то, и другое одновременно, что дополнительно усложняет задачу. Поэтому, хотя к достижениям нынешнего этапа можно отнести институциональные изменения вокруг *PESCO* и внедрение дискурса об автономии на уровне Союза, эрозия консенсуса ФРГ и Франции, недостаток финансирования и обратная переориентация части игроков на США представляют собой пусть ситуативные, но существенные препятствия на пути проекта.

Список литературы

- Арбатова Н.К., Кокеев А.М. (ред.) (2020) *Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией*. Весь мир, Москва. 368 с.
- Воротников В.В. и др. (2020) NATO versus PESCO: экономические аспекты. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 6. С. 40–50. URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-40-50>.
- Громыко Ал.А. (2019) Дилеммы Европейского оборонного союза. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т.12. №2. С. 6–28. URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-2-6-28>
- Громыко Ал.А. (2021) Субъектность Евросоюза – между атлантизмом и европоцентризмом. *Современная Европа*. №4. С. 10–25. URL: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420211025>
- Романова Т.А. (2017) Категория «стрессоустойчивость» в Европейском союзе. *Современная Европа*. № 4. С. 17–28. URL: http://sov-europe.ru/images/pdf/2017/4-2017/Romanova_4-2017.pdf (дата обращения: 15.05.2021)
- Тимофеев П.П. (2019) Сравнительный анализ приоритетов Франции и ФРГ в развитии PESCO. *Анализ и прогноз*. № 2. DOI: 10.17976/jpps/2019.06.13.
- Тимофеев П.П., Хорольская М.В. (2020) Проектный потенциал франко-германского оборонного сотрудничества. *Анализ и прогноз*. № 4, С. 62–75. DOI: 10.20542/afij-2020-4-62-75
- Щербак И.Н. (2020) Стратегическая автономия ЕС и проблемы формирования внешнеполитической повестки в период пандемии. *Современная Европа*. № 6. С. 29–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120202940>

References

- Adler E. (2008) The Spread of Security Communities: Communities of Practice, Self-Restraint, and NATO's Post-Cold War Transformation. *European Journal of International Relations*. No 14(2). <https://doi.org/10.1177/1354066108089241>

- Arbatova N., Kokeev A., (eds.) (2020) *Strategicheskaya avtonomiya ES i perspektivy sotrudnichestva s Rossiei*. [Strategic Autonomy of the EU and Prospects for Cooperation with Russia.] Moscow, Ves' mir. 368 p. (in Russ.).
- Gromyko A.I. (2019) Dilemma Evropeiskogo oboronnoogo soyuza [Dilemmas of the European Defence Union]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*. Vol. 12. No. 2, pp. 6–28. URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-2-6-28> (in Russ.).
- Gromyko A.I. (2021) Sub'ektnost' Evrosoyuza – mezhdru atlantizmom i evropotsentrizmom [Subjectivity of the European Union – between Atlanticism and Eurocentrism]. *Sovremennaya Evropa*. No 4, pp. 10–25. URL: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420211025> (in Russ.).
- Kitchen V. (2009) Argument & Identity Change in the Transatlantic Security Community. *Security Dialogue*. No 2. <https://doi.org/10.1177/0967010608100849>
- Manners I. (2002) Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*. Vol. 40:2. pp. 235–258. <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00353>
- Romanova T. (2017) Kategoriya «stressoustoichivost'» v Evropeiskom Soyuze [The category of resilience in the European Union]. *Sovremennaya Evropa*. No 4. URL: http://sov-europe.ru/images/pdf/2017/4-2017/Romanova_4-2017.pdf (accessed 13.01.21) (in Russ.).
- Risse Th. (1996) Collective identity in a democratic community: the case of NATO / *Culture of National Security* ed. by P. Katzenstein. New York. Columbia University Press. pp. 357–399. <https://doi.org/10.4324/9781315623665>
- Rynning S. (2019) NATO's Futures: the Atlantic Alliance between Power and Purpose. NATO Defense College Research Paper Series. Research Paper 2. URL: <https://www.ndc.nato.int/news/news.php?icode=1285> (accessed 11.01.21)
- Shcherbak I. (2020) Strategicheskaya avtonomiya ES i problemy formirovaniya vneshnepoliticheskoi povestki v period pandemii [EU Strategic Autonomy and Foreign Policy Agenda Problems during the Pandemic]. *Sovremennaya Evropa*. No 6. pp. 29–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120202940> (in Russ.).
- Smith M.H., Youngs R. (2018) The EU and the Global Order: Contingent Liberalism, *The International Spectator*. Vol. 53:1, pp. 45–56. DOI: 10.1080/03932729.2018.1409024
- Timofeev P. (2019) Sravnitel'nyi analiz prioritetov Frantsii i FRG v razvitii PESCO [Comparative analysis of the priorities of France and Germany in PESCO development]. *Analiz i prognoz*. No 2. DOI: 10.17976/jpps/2019.06.13. (in Russ.).
- Timofeev P., Khorolskaya M. (2020) Projektny potentsial franko-germanskogo oboronnoogo sotrudnichestva [Germany-France Defense Cooperation: Project Potential]. *Analiz i prognoz*. No 4, pp. 62–75. DOI: 10.20542/afij-2020-4-62-75 (in Russ.).
- Vorotnikov V. [et al]. (2020) NATO versus PESCO: ekonomicheskie aspekty. [NATO versus PESCO: economic aspects] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. T. 64. No 6, pp. 40–50. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-40-50> (in Russ.).

Pursuing European Strategic Autonomy: Current Results

Received 19.06.2021

Author: Melnikova J., Postgraduate Student, MGIMO University, RIAC Program Coordinator.
Address: 8, 4th Dobryninsky Pereulok, Moscow, Russia, 119049. **E-mail:** jmelnikova@russiancouncil.ru

Abstract. 2016–2020 witnessed significant structural changes in the foreign and security policy of the European Union. External factors encouraged the need to strengthen the EU strategic autonomy not only in the form of particular practical moves related to the establishment and development of new institutions, but also as part of an attempt to formulate a new common discourse. The article examines these processes through the security communities theory, traditionally applied to analyze transatlantic dynamics. This helps to both systemically address the recent changes and identify miscalculations and missing elements in framing the European security community. Since the 2020 PESCO Strategic Review to a certain extent summed up the initial phase of development of the central initiative of the whole process, the article analyzes the so far achieved results in setting up the new agenda for the EU and the prospects of translating it into joint practices. The main assumption posits that the key obstacle for enhancing strategic autonomy is the need to use a collective identity – both a tool for developing institutions and a goal of this process. As a result, neither a new collective identity, nor a functional network of institutions have been built, leaving the EU unprepared to bring the idea of strategic autonomy further.

Key words: European strategic autonomy, European Union, PESCO, security communities, transatlantic relations.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72021115124>